

Н. Я. ПОЛОВОЙ

О МАРШРУТЕ ПОХОДА РУССКИХ НА БЕРДАА
и РУССКО-ХАЗАРСКИХ ОТНОШЕНИЯХ в 943 г.

Изучение внешней политики Руси до образования централизованного государства является одной из важных задач советской исторической науки. Ее решение во многом зависит от выяснения отношений Руси с величайшей державой средневековья — Византией¹. Однако нельзя не признать вместе с М. В. Левченко² и А. Флоровским³, что, несмотря на наличие большого числа работ по отдельным вопросам истории Руси и Византии, именно русско-византийские отношения изучены еще крайне недостаточно.

Русско-византийские отношения нельзя понять без выяснения отношений Руси и Византии с другими соседними странами, и в первую очередь, если это касается X в., с Болгарией и Хазарией. Однако если отношениям Руси с Болгарией, особенно периода балканских войн Святослава, все же посвящена некоторая литература, то и поныне остаются справедливыми слова В. Мошина о том, что в области «русско-хазарских отношений мы ходим в потемках»⁴. Причиной этого является или полное отсутствие источников, или их фрагментарность и противоречивость. Ведь даже не раз подвергавшаяся сомнению подлинность таких основных источников по истории Хазарии вообще и по истории русско-хазарских отношений в частности, как документы, относящиеся к еврейско-хазарской переписке X в., окончательно была доказана лишь несколько лет назад⁵.

Выяснение русско-византийско-хазарских отношений в конце княжения Игоря, несомненно, помогло бы раскрыть ту великую роль, которую в это время играло молодое Русское государство. Походы, предпринятые тогда русскими на Византию и на Каспий, во многом отличавшиеся от прежних походов Руси, ярко продемонстрировали возросшую мощь Русского государства и побудили все окрестные страны пересмотреть свою политику по отношению к Руси и либо пойти ей на уступки, как это было с Византией, или, напротив, подобно Хазарии и мусульманским го-

¹ См. изложение доклада акад. В. П. Волгина «О перспективном плане в области исторической науки» («Исторический журнал», 1945, № 3, стр. 66).

² М. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 3—5; е г о ж е. Проблема русско-византийских отношений в русской дореволюционной и советской историографии. ВВ, VIII, 1956, стр. 8.

³ А. Флоровский. К изучению истории русско-византийских отношений. ВВ, 13, № 2, 1952, стр. 307.

⁴ В. Мошин. Русь и Хазария при Святославе. «Seminarium Kondakovianum», VI, 1933, стр. 187.

⁵ D. M. Dunlop. The History of the Jewish Khazars. Princeton, 1954, p. 116—170.

сударствам Каспия, повести еще более ожесточенную борьбу с традиционным стремлением Руси утвердиться на великих торговых путях Каспия и Причерноморья.

О русском походе на Бердаа в 943 г. долго помнили на Востоке. Этот поход заставил говорить о себе не только современников, живших поблизости от Бердаа, но и авторов, писавших столетия спустя после этого похода и живших далеко от Азербайджана ⁶.

Однако, несмотря на наличие довольно значительного и разнообразного круга источников о походе русских на Бердаа в 943 г., в науке до сих пор не выяснены отношения Руси с мусульманскими государствами Каспия в это время и даже вопрос об отношении хазар к этому походу. Попытка А. Н. Насонова ⁷, поддержанная многими историками ⁸, доказать, что Хазария в 943 г. препятствовала походу на Бердаа и что этот поход является результатом соглашения между Русью и Византией, не может считаться успешной, потому что она находится в прямом противоречии с источниками. Одной из важнейших задач в этой связи является тщательный анализ всех источников по истории взаимоотношений Руси и Хазарии ⁹.

Вопрос о роли хазарской дипломатии в походе 943 г. в исторической литературе еще не поднимался. Однако только решение этого вопроса поможет выяснить русско-хазаро-мусульманские отношения на Каспии в это время.

Настоящая статья является попыткой выяснить русско-византино-хазаро-аано-мусульманские отношения в связи с походом русских на Бердаа в 943 г.

Историческая роль Хазарского каганата и его влияние на жизнь древней Руси очень долго преувеличивались в литературе, и это, несомненно, сыграло свою роль в том, что многие историки согласились с мыслью А. Н. Насонова о враждебном отношении Хазарии к походу 943 г. Хазария была небольшим полукочевническим, полусоседним государством ¹⁰, которое «не могло и думать о соперничестве с Византией или Халифатом» ¹¹. Постоянная забота Хазарии заключалась в том, чтобы как-нибудь протянуть в повседневной борьбе с окружающими ее народами.

Однако не следует забывать, что это полукочевническое государство просуществовало около 400 лет! Причина живучести Хазарии заключалась в том, что она «превратилась в огромную таможенную заставу, запиравшую пути по Северному Донцу, Дону, Керченскому проливу

⁶ Обзор источников о походе русских на Бердаа имеется в работах: В. Григорьев. О древних походах руссов на Восток. ЖМНП, 1835, февраль (переиздана в кн.: В. Григорьев. Россия и Азия. СПб., 1876); Б. Дорн. Каспий. СПб., 1875; А. Якубовский. Ибн-Мискавейх о походе русов в Бердаа в 322 г. = 943/4 г. ВВ, XXIV, 1926. См. также: А. Флоровский. Известия о древней Руси арабского писателя Мискавейха X—XI вв. и его продолжателя. «Seminarium Kondakovianum», I, 1927.

⁷ А. Насонов. Тмуторокань в истории Восточной Европы X в. «Историч. зап.», 1940, № 6, стр. 86—87.

⁸ В. Мауродин. Русское мореходство на южных морях. Симферополь, 1955, стр. 54; «Очерки по истории СССР», т. 1. М., 1953, стр. 83—84. Проф. С. Семенов-Зусер утверждает, что в 943 г. русских разгромили именно хазары, а Святослав якобы во время своего восточного похода жестоко отомстил хазарам за это поражение (С. Семенов-Зусер. Князь Святослав. Харків, 1946, стр. 12).

⁹ Б. Рыбаков. К вопросу о роли хазарского каганата в истории Руси. СА. т. 18, 1953, стр. 132.

¹⁰ А. Якубовский. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв. Изв. АН СССР, т. III, № 5, 1946, стр. 469; Б. Рыбаков. Указ. соч., стр. 130, 131, 150.

¹¹ Б. Рыбаков. Указ. соч., стр. 130.

и Волге»¹². «Заняв важнейшие торговые магистрали — Дон, Керченский пролив и Волгу, — хазары хищнически пользовались выгодами своего положения»¹³. Это положение Хазарии, как транзитной державы, наложило отпечаток не только на ее торговлю, но и на военную политику. Через свои заставы хазары пропускали не только торговые караваны, но и военные отряды, направлявшиеся грабить те народы, которые находились во враждебных отношениях с хазарами. В IX в. гузы по наущению хазар воевали против печенегов, в X в. турки громили возмущившихся против хазар аланов; аланы же после их усмирения, согласно свидетельству Кембриджского документа, помогли хазарам «навести страх на все народы», живущие поблизости от Хазарии. Хазария некоторое время умело использовала в своих интересах и движение русских на Каспий. Хазарский каган брал с русских не только пошлину за провозимые через ее территорию товары, но также половину добычи за то, что пропускал их на Каспий для грабежа враждебных Хазарии мусульманских государств. Следовательно, русским очень трудно было бы проникнуть на Каспий как для торговли, так и для военных действий без разрешения хазарских властей.

При враждебном отношении хазарского кагана к походу русских на Каспий им пришлось бы выбирать совсем другой маршрут, нежели маршрут похода 912—913 гг., который описан у Масуди, когда русские шли на Каспий Доном и Волгой через Итиль. Вопрос о маршруте на Бердаа в 943 г. приобретает особую важность именно потому, что он тесно связан с дипломатической обстановкой 943 г. и позволяет определить отношение Хазарского кагана к этому походу. Если каган покровительствовал этому походу, то русский флот, бесспорно, мог свободно воспользоваться водным путем через Дон — Волгу — Итиль — Каспий, как это было в 913 г. Если же, наоборот, поход на Бердаа явился следствием соглашения Руси с Византией и встретил противодействие со стороны Хазарии, то маршрут этого похода должен был быть иным. Вот почему исследователь русско-хазаро-византино-алано-мусульманских отношений в 943 г. должен подробно остановиться на вопросе о маршруте похода на Бердаа.

Относительно маршрута этого похода нет единой точки зрения. Одни историки (В. В. Григорьев, А. Н. Насонов, В. В. Мавродин) полагали, что русские на Бердаа шли сушей, т. е. «пересекли материк от Азовского моря до Каспийского к северу от Кавказского хребта»¹⁴. Другие исследователи (Карамзин¹⁵, Б. Дорн¹⁶, А. Ю. Якубовский, А. А. Куник) утверждали, что русы на Бердаа шли Доном — Волгой.

Самое подробное исследование о маршруте похода русов на Бердаа принадлежит А. Н. Насонову, который писал: «Каким путем решили руссы выйти к Каспию? Шли они Доном и Волгой, мимо хазарской столицы Итиля, или же пересекли материк к северу от Кавказского хребта, как это сделал во второй половине IX в. Кирилл Философ, вышедший к Дербенту? Существует ли материал, позволяющий сделать определенный вывод по данному вопросу? Такой материал существует. Его рассмотрение не приводит к противоречивым выводам. Такой материал мы на-

¹² Б. Рыбаков. Указ. соч., стр. 150.

¹³ Там же, стр. 131.

¹⁴ А. Насонов. Указ. соч., стр. 85.

¹⁵ Н. Карамзин. История государства Российского, т. 1. СПб., 1818, стр. 158—169.

¹⁶ Б. Дорн. Указ. соч., стр. 501. В этой книге заметка А. Куника о походе на Бердаа

ходим, во-первых, в некоторых восточных источниках, трактующих о походе руссов на Бердаа 944 г. и содержащих данные о пути руссов; во-вторых, в некоторых восточных источниках, относимых к середине X в. и содержащих указания на движение руссов к берегам Каспийского моря; в-третьих, данные для решения интересующего нас вопроса мы получаем при рассмотрении общей ситуации на путях из Каспийского моря к Черному, сложившейся к середине X в.»¹⁷ Остановимся на системе доказательств А. Н. Насонова и рассмотрим прежде всего сообщения восточных источников о походе русов на Бердаа. Об этом походе пишут Ибн-Асир, Ибн-Мискавейх, Абуль-феда, Якут, Хазиф Абру. Ибн-Хадльдун, Айни, Бар-еврей, Низами¹⁸, Моисей Каганкатвацци¹⁹. Из этих авторов только Низами и Бар-еврей своим указанием на этническую принадлежность участников похода «дают материал для суждения о пути руссов»²⁰. Что касается Низами, то А. Н. Насонов, равно как и В. В. Григорьев²¹, использовал не все данные, содержащиеся в «Искандер-Намэ», которые позволяют судить о пути русских. Оба эти историка привели только послание абхазского правителя Дувала Александру Македонскому: «Русские, жаждущие войны, пришли ночью из страны алан и герков (герков, или арков), чтобы на нас напасть, как град. Так как они не смогли пробиться через Дербент и его окрестности, они отправились в море на судах и совершили нападение»²². Однако в другом месте Низами дает более важное указание: «Кинталь, который шел во главе руссов, заметив, что небо принимает зловещий вид, собрал войско в семи провинциях, зависевших от России (буквально: семь России)²³, из коих он как бы сделал семь молодых невест. Его войско, составленное из пертасов (буртасов), аланов и хазар, образовало поток, обширный, как океан, и внушительный, как гора. Вооруженное мечами и панцирями, оно устремилось по странам, лежащим между областью Ису и степью Кефтшак (Кипчак)»²⁴. Это место у Низами заставило уже академика Б. Дорна сделать такой вывод: «Так как у поэта (Низами. — Н. П.) союзниками русских являются буртасы и хазары, с которыми они проходят чрез земли, лежащие между Ису и Кефчаком, то он, должно быть, предполагал, что они шли с Волги»²⁵.

Приводя только первое известие Низами о приходе русских «из страны алан и герков» (вариант: «равно как и аланы и герки»), историки, между тем, не имели четкого представления о том, кто такие герки (арки) и где находится их страна. Это обстоятельство, конечно, позволяло в

¹⁷ А. Насонов. Указ. соч., стр. 84—85.

¹⁸ Б. Дорн. Указ. соч., стр. 123, 497, 515, 516.

¹⁹ Моисей Каганкатвацци. История Агван. СПб., 1861, стр. 275—276. Характеристику Каганкатвацци см. А. Якубовский. Ибн-Мискавейх, стр. 72.

²⁰ А. Насонов. Указ. соч., стр. 85.

²¹ В. Григорьев. О древних походах руссов на Восток. ЖМНП, 1835. ч. II, стр. 250, 265.

²² Б. Дорн. Указ. соч., стр. 498; М. Тебеневков. Древнейшие сношения Руси с прикаспийскими странами и поэма Низами «Искандер-Намэ» как источник характеристики этих сношений. Тифлис, 1896. Абхазы Низами называл не жителей современной Абхазии, а жителей Грузии, Дагестана и Ширвана. В. Гольцев. Шота Руставели. М., 1952; В. Григорьев. Указ. соч., стр. 286.

²³ Во втором походе Игоря на герков тоже участвовало семь народов: печенеги, варяги, русы, словены, кривичи, тиверцы, поляне. Такое совпадение, несомненно, свидетельствует о связи двух походов.

²⁴ М. Тебеневков. Указ. соч., стр. 50; Б. Дорн. Указ. соч., стр. 501; см. также: Низами. Искандер-Намэ, пер. К. Липскерова, т. 1. Баку, 1953, стр. 351, 363.

²⁵ Б. Дорн. Указ. соч., стр. 499.

герках (арках) усматривать различные народы и давало обширную пищу для самых фантастических предположений. Ф. Эрдман, полагавший, что все восточные известия о походе на Бердаа есть не что иное, как перифраз Игорева похода на Константинополь, утверждал, что «арки» — это исковерканное «варяги»²⁶, а сам город Бердаа в этих источниках есть не что иное, как переделка имени Варды Фоки, воевавшего с русскими в 941 г.²⁷ Ф. Шармуа и В. В. Григорьев полагали, что арки (герки) — это грузины (георги). А. Ю. Якубовский вообще вместо «из страны алан и герков (арков)» пишет: «из земель греков и аланов»²⁸. Но и до сих пор название арков как исторического народа считается неизвестным²⁹. Разгадать, какой народ скрывался под названием арки (герки), историкам в значительной степени помешало то обстоятельство, что они обращали мало внимания на остальную часть текста Низами. Между тем в другом месте своей поэмы Низами дал перечень народов, воевавших против Бердаа: это — русские, аланы, хазары и буртасы³⁰. Мы видим, что хотя здесь указываются аланы, однако арков нет и вместо них указаны хазары и буртасы. Не скрываются ли у Низами под именем арки именно хазары или буртасы? Для решения этого вопроса нужно выяснить, не названы ли в каких-нибудь источниках хазары или буртасы арками (герками), а их страна Арканией (Гирканией). Положительный ответ на этот вопрос мы находим в известном Кембриджском документе, где говорится: «Вот сообщаю я моему господину: имя нашей страны (т. е. Хазарии. — *Н. П.*), как мы нашли (это) в книгах, Ар-к-нус»³¹. П. К. Кокковцов полагал, что это «своеобразное и ни в одном из известных источников о хазарах не встречающееся» название Хазарии Арканией (Гирканией) взято автором Кембриджского документа из «Книги Иосифов», в которой имеется легендарный рассказ о народе *urqanus*, жившем по соседству с аланами, запертыми в горах Александром Македонским³². Однако Данлоп указал, что и в Сирийской хронике Бар-еврея *Hugania* отождествляется со «страной хазар»³³. Следовательно, Хазария, хотя и очень редко, называлась Арканией или Гирканией. Может быть, и в самом деле это было книжное название Хазарии, и Низами мог его встретить в тех многочисленных источниках, шедших из Византии, Сирии, Ирана, которые он тщательно изучал для написания поэмы «Искендер-Намэ»: «Кроме новейших историй [изучал я и книги] еврейские, христианские и пехлевийские»³⁴.

Что касается алан, то русские вполне могли их встретить, идя Доном — Волгой, так как из сообщения Константина Багрянородного о том, что аланы могут закрывать хазарам пути в Саркел и Крым³⁵, следует, что

²⁶ F. Erdmann. De expeditione Russorum Berdaam versus. Casani, 1826, pars II, p. XIX—XXX.

²⁷ Ibid., pars I, p. 72.

²⁸ А. Якубовский. Ибн-Мискавейх, стр. 83.

²⁹ См. комментарии Е. Э. Бертельса к «Искендер-Намэ», т. 1, стр. 476.

³⁰ К этому перечню, может быть, следовало бы добавить и лезгин, об участии которых в походе на Бердаа указывает Бар-еврей.

³¹ П. К. Кокковцов. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932, стр. 120.

³² Там же, стр. 120—121, прим. 16.

³³ D. M. Dunlop. Op. cit., p. 163.

³⁴ Е. Э. Бертельс. Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М.—Л., 1948, стр. 53; А. Султанлы. Искендер-Намэ и западноевропейская литература. Сб. «Низами Гянджеви. Материалы научной конференции». Баку, 1947, стр. 68.

³⁵ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, greek text ed. by G. Moravcsik, English translation by R. J. H. Jencins. Budapest, 1949, § 10, 11, p. 62—64.

«аланы контролировали византийские коммуникации на Нижнем Дону»³⁶ и их, следовательно, можно было встретить в донских степях.

Но если это так, то слова Низами «из страны алан и арков (герков)» следует понимать «из страны алан и хазар». Такое толкование находит полное подтверждение в другом месте поэмы Низами, где указывается, что на Бердаа напали русские, аланы и хазары с буртасами.

Следовательно, согласно Низами, русские напали на Бердаа из Алании и Хазарии, и хазары не только не препятствовали походу на Бердаа, но даже участвовали в нем со своими союзниками — аланами и данниками — буртасами. Зачем же русским было бросать свой флот в Черном море и «пересекать материк» от Черного до Каспийского моря, если хазары не только покровительствовали их походу на Бердаа, но даже сами участвовали в нем?

Может быть, исторические сведения, сообщаемые Низами, вообще не заслуживают внимания, как полагал, например, А. В. Флоровский³⁷? Однако мы уже видели, что указание Низами на участие алан в походе на Бердаа находит подтверждение и в «Сирийской хронике» Бар-еврея, умалчивающего о хазарах, но указывающего не упоминающихся у Низами лезгов. Таким образом, относительно участия алан в походе русских на Бердаа в 943 г. мы имеем положительные свидетельства у Низами и у Бар-еврея. Но как можно проверить или подтвердить сообщаемый только Низами факт участия хазар в походе на Бердаа? На этот вопрос можно было бы ответить исходя из общей ситуации, сложившейся в 943 г. на путях от Византии и Руси до Хазарии и мусульманских государств Каспия. Если эта общая ситуация характеризовалась дружественными отношениями Хазарии и Алании и враждебными отношениями между Хазарией и мусульманскими государствами Каспия, то конечно, сообщаемый Низами факт об участии хазар в походе на Бердаа вполне мог иметь место.

А. Н. Насонов в своем анализе «общей ситуации 40—50-х годов X в. на путях от Черного моря к Каспийскому» старается доказать близость алан к грекам и их враждебность к хазарам: «При покровительственном отношении империи и при дружественном отношении «владельца Алании» к императору ромеев руссы могли пересечь материк от Азовского до Каспийского моря, не испрашивая разрешения хазарского кагана»³⁸. Иными словами, А. Н. Насонов стремится доказать, что поход на Бердаа был всецело делом византийской дипломатии и не только не допускает мысли об участии хазар в походе на Бердаа, но даже заявляет о враждебном отношении хазар к этому походу.

Можно ли в действительности говорить о «дружественном отношении «владельца Алании» к императору ромеев» в 943 г. и его враждебном отношении к хазарам? Конечно, нет.

Позиции греков в Алании укрепились в начале X в.³⁹ Но «дружественная» связь Византии с Аланией продолжалась недолго⁴⁰ и к интересующему нас времени (к 943 г.) произошел полный разрыв. Масуди писал

³⁶ T. Lewicki. Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny, t. I. Wrocław — Kraków, 1956, стр. 38.

³⁷ А. Флоровский. Указ. соч., стр. 182.

³⁸ А. Насонов. Указ. соч., стр. 87.

³⁹ Ю. Кулаковский. Христианство у алан. ВВ, V, 1898, стр. 7.

⁴⁰ Она существовала всего лишь несколько лет. Инициатором крещения алан был патриарх Николай Мистик; посредником между аланами и византийцами был абхазский царь Георгий (921—925). Крещение могло произойти между 921 и 925 гг., т. е. в период от начала царствования Георгия Абхазского (921) до кончины патриарха (925). Уже через каких-нибудь 7—10 лет (в 932 г.) греков изгнали из Алании.

в 943—947 гг.: «После 320 (932) г. аланы отреклись от христианства и прогнали епископов и священников, которых они (раньше) приняли и которых к ним отправил царь греков»⁴¹. Отношения Византии с Аланией оставались прерванными и в его время, радуя душу правоверных последователей пророка.

Еврейско-хазарская переписка также опровергает предположение, что в 943 г. между Византией и Аланией существовали дружественные отношения, а между Хазарией и Аланией враждебные.

В Кембриджском документе этой переписки сообщается: «И во дни царя Аарона воевал царь аланский против казар, потому что подстрекнул его греческий царь. Но Аарон нанял против него царя турок, так как тот был [с ним дружен], и низвергся царь аланский перед Аароном, и тот взял его живым в плен. И оказал ему [царь большой] почет и взял дочь его в жены своему сыну Иосифу. Тогда [обязался] ему аланский царь в верности, и отпустил его царь Аарон [в свою землю]. И с того дня напал страх пред казарами на народы, которые [живут] кругом их. [Также и] во дни царя Иосифа, моего господина,... (аланский царь был. — Н. П.) [ему подмогой], когда было гонение [на иудеев] во дни злодея Романа»⁴².

Таким образом, вместе с поражением аланского князя в войне с хазарами и браком аланской принцессы с иудейским царевичем Иосифом «должны были прекратиться успехи христианской миссии в Алании»⁴³. И они действительно, как сообщает Масуди, прекратились в 932 г.

Согласно Кембриджскому документу, «дружба алан составляла главную основу хазарской дипломатии»⁴⁴. Поэтому понятно стремление греков подорвать эту основу.

Указание Константина Багрянородного своему сыну, приведенное А. Н. Насоновым, о необходимости жить в мире с «владельцем Алании» направлено не на дальнейшее укрепление уже существующей связи двух народов, а лишь на восстановление этой связи, прерванной в 320 г. хиджры (13.I 932 г. — 31.XII 932 г.). В царствование Константина Багрянородного эта связь так и не была восстановлена.

Во времена Масуди «властитель Алании» вместо сближения с греками решил сблизиться с их врагами — хазарами. «Восстановление хазарского влияния в Алании может быть точно датировано 932 годом»⁴⁵. Константин Багрянородный знал это, но он знал также, какую огромную помощь могли бы оказать грекам аланы, сменив свою дружбу с хазарами на вражду. Вот почему, пользуясь выражением Ю. Д. Бруцкуса, «византийский двор в то время... очень ухаживал за аланским князем»⁴⁶. Однако заигрывания византийской дипломатии с аланским князем еще не свидетельствуют о ее успехах в этом деле.

Когда Константин Багрянородный пишет о печенегах, то он указывает, что печенеги уже навели и продолжают наводить страх на венгров, русских и хазар своими неоднократными набегами. Но об аланах Константин Багрянородный сообщает лишь, что они могли бы навести страх на хазар, если бы захотели: «И если этот владетель Алании постарается (καὶ εἰ ποιήσεται σπουδήν) чинить им препятствия, то Херсон и Климаты будут

⁴¹ А. Васильев. Византия и арабы. СПб., 1902, приложения, стр. 24 (А. А. Васильев. Byzanz et les arabes, t. II. Bruxelles, 1950, p. 33).

⁴² П. Кокорцов. Указ. соч., стр. 117—118.

⁴³ Ю. Д. Бруцкус. Письмо хазарского еврея от X века. Берлин, 1924, стр. 17—18.

⁴⁴ Там же, стр. 16.

⁴⁵ Там же, стр. 18.

⁴⁶ Там же, стр. 17.

пользоваться долгим и прочным миром»⁴⁷. Смысл поучений Константина Багрянородного заключается в том, что византийская дипломатия должна сделать все возможное, чтобы рассорить алан и хазар, чтобы возможность алан вредить хазарам стала действительностью.

Во время Константина Багрянородного аланы для Византии не были тем же, чем были для нее ранее печенеги, но греки страстно желали и из алан сделать наемных стражей империи.

Таким образом, владетель Алании вовсе не был в дружбе с Византией и во вражде с Хазарией, как полагает А. Н. Насонов, и не думал стоять на страже интересов империи.

Мы видим, что при выяснении отношения аланского князя к походу русов на Бердаа А. Н. Насонов пошел неправильным путем. Вместо того, чтобы пользуясь материалами, относящимися к 943 г., убедительно доказать, что это покровительственное отношение явилось результатом такого же покровительственного отношения хазар к походу на Бердаа, А. Н. Насонов, используя данные, относящиеся к началу X в. (факт обращения алан в христианство в 921—925 гг.), попытался доказать, что оно явилось следствием дружественных отношений с Византией.

В 943—944 гг. «владетель Алании» был в союзе с русским князем, и это сближение должно быть признано всецело делом русско-хазарской дипломатии, а не византийской. Хазар и алан сблизило с русскими стремление разгромить усиливающиеся государства Каспия. Образовавшийся в 943 г. русско-алано-хазарский союз усиливал все эти три государства за счет мусульманских государств Каспия, а поэтому, конечно, был нежелателен Византии, которая в 943 г. враждовала с хазарами и аланами. Мы видим, насколько независимо вела себя русская дипломатия в 943 г. Заключение перемирия на Дунае и выгодный торговый договор с Византией не помешал русскому государству заключить военный союз с врагами греков — хазарами и аланами. Таким образом, общая ситуация 943 г. убеждает в том, что поход на Бердаа является всецело делом русско-алано-хазарской дипломатии, а не византийской. Разгром Бердаа, бесспорно, был очень выгоден Хазарии и никакой пользы не давал Византии. Поход на Бердаа не был «походом на Хазарию и в Закавказье»⁴⁸ — это был поход в Закавказье с помощью Хазарии. Этот поход не только не «ослаблял Хазарию»⁴⁹, а, напротив, усиливал ее, потому что ослаблял мусульман Каспия.

Рассмотрим, какие отношения были у Хазарии с мусульманскими государствами Каспия, имелись ли причины, побуждавшие хазар к походу против этих государств в 943 г.?

Таких причин было больше чем достаточно. Масуди сообщает, что в 943 г. евреи бежали в Хазарию не только из византийских областей, но и из мусульманских стран⁵⁰. Он подчеркивает враждебность Хазарии мусульманам: хазары потому пропускают русских на Каспий, что «царь хазарский не имеет судов и его люди непривычны к ним; в противном случае мусульмане были бы в великой опасности с его стороны»⁵¹. И это писалось в 943—947 гг.!

Весь ход исторического и экономического развития обуславливал непримиримую противоположность хазарских и мусульманских интересов.

⁴⁷ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, p. 64.

⁴⁸ В. Мавродин. Начало мореходства на Руси. Л., 1949, стр. 56.

⁴⁹ Там же, стр. 57.

⁵⁰ A. A. Vasiliev. Op. cit., p. 31—32.

⁵¹ А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 133.

Арабы постепенно вытеснили хазар из Закавказья, и ко второй половине VIII в. хазары были отброшены за Кавказские горы.

Борьба с арабскими странами была одной из постоянных государственных забот Хазарии. Арабы хотели «превратить Хазарию в мусульманскую страну»⁵². «В случае победы мусульман в Хазарии политическое положение на берегах Каспийского моря, конечно, резко изменилось бы в пользу Халифата»⁵³.

«Хазарское царство преграждало самый удобный и легкий путь для торговли с далеким Севером»⁵⁴. И наоборот, такое мусульманское государство, как Булгария, стояло Хазарии поперек дороги. «Ввиду географического положения хазарского и булгарского царств интересы их находились в непримиримом противоречии»⁵⁵.

В мусульманских странах неоднократно, как сообщают Ибн-Фадлан и Масуди, разрушали еврейские синагоги, а хазарский каган отвечал разрушением мечетей в своих городах⁵⁶.

Могли ли хазары отказаться от искушения использовать силу русских в своих жизненных интересах, причем не только даром, но даже получая огромную добычу? Конечно, нет.

Масуди сообщает, что в 913 г. русские на Каспии пропустил именно хазарский каган, которому русские пообещали половину добычи, награбленной у мусульман Каспия. Когда русские в 913 г. закончили свои грабительские операции на Каспии и возвращались на родину, мусульманская гвардия кагана потребовала, чтобы он разрешил им разгромить русских. И Масуди с иронией замечает, что каган потому отпустил арсийцев (мусульманская гвардия кагана) на битву с русскими в 913 г., что «не мог им препятствовать»⁵⁷. Однако его ненависть к мусульманам была столь сильна, что он и здесь попытался им вредить: «...послал к русам и известил их, что мусульмане намереваются воевать с ними»⁵⁸. Следовательно, в разгроме русских близ Итиля в 913 г. повинны, собственно, не хазары, а «именно мусульмане Хазарского царства»⁵⁹.

Хазария являлась державой транзитной и хищнически пользовалась выгодами своего географического положения. Русские, пробивающиеся на Каспий с торговыми или с грабительскими целями, должны были платить пошлину и отдавать половину награбленной добычи. В 913 г. русские ничуть не удивили кагана своим предложением пограбить прикаспийские страны. Хазария уже привыкла видеть в этом один из источников государственных доходов и одно из средств борьбы с мусульманским продвижением на север.

Русские своими мощными ударами по арабским странам в 880, 909, 910, 913 и 943 годах объективно помогли хазарам устоять не только против арабского продвижения, идущего с юга Каспия на север, но и против самого русского продвижения на Каспий, потому что эти удары в сущности приводили к укреплению Хазарского каганата. В самом деле, хазары, пропуская русских на Каспий, получали не только половину добычи, но, что гораздо важнее, не пролив ни капли крови, наносили такие страш-

⁵² А. К о в а л е в с к и й. Посольство халифа к царю волжских булгар в 921—922 гг. «Ист. записки», № 37, 1951, стр. 194; е г о ж е. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 15.

⁵³ А. К о в а л е в с к и й. Посольство халифа..., стр. 210.

⁵⁴ Там же, стр. 195.

⁵⁵ Там же, стр. 207; е г о ж е. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана..., стр. 29.

⁵⁶ А. К о в а л е в с к и й. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана..., стр. 33.

⁵⁷ А. Г а р к а в и. Указ. соч., стр. 133.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ А. К о в а л е в с к и й. Посольство халифа..., стр. 195.

ные удары мусульманам Каспия, от которых те долго не могли оправиться. Таким образом, анализ русско-арабско-хазарских отношений на Каспии показывает, что русские, очередной задачей которых являлось уничтожение Хазарского каганата как государства, сами укрепляли его, нанося тяжкие удары злейшим врагам Хазарии — мусульманам. Для мусульман же Каспия русские были такими же врагами, как и хазары. Понятно поэтому, какие горькие основания имел Балами в своем персидском переводе Табари сделать интересную для историка X в. интерполяцию: царь Дербента Шахриар говорил в 644 г.: «Хазары и русы суть враги целому миру, в особенности же арабам»⁶⁰. Балами переводил историю Табари в 963 г. и, конечно, знал не только о походе русских на Бердаа, но и об остальных походах русских на Каспий, осуществлявшихся с согласия хазар.

Еврейско-хазарская переписка X в. также указывает на вражду Хазарии с мусульманскими государствами Каспия, в частности с Дербентом⁶¹. У Масуди имеется известие, что правитель Ширвана Мухаммед-бен Иезид, овладев Баб-аль-Аббабом (т. е. Дербентом) и другими областями, велел в Дербенте выстроить стены. Академик Б. Дорн делает из этого справедливый вывод: «В таком случае можно было бы предположить, что он принял эти меры после вторжения русских в Дербент — начало его правления относится приблизительно к 944 году, — чтобы обезопасить себя от подобных неожиданных нападений»⁶². Но Низами тоже сообщает, что русские и хазары, прежде чем захватить Бердаа, пытались взять Дербент: «Так как они (русские. — *Н. П.*) не смогли пробиться через Дербент в его окрестности, они отправились в море на судах и совершили нападение»⁶³.

Все эти сообщения подкрепляют и дополняют друг друга и заставляют верить сообщению Низами о попытке русских и хазар захватить в 943 г. Дербент.

Не потому ли, как свидетельствует Масуди, евреи в 943 г. бежали из мусульманских стран, что мусульмане объявили на них гонение в связи с участием хазар в походе на Бердаа?

Итак, общая ситуация 943 г., сложившаяся на огромном пространстве от Византии и Руси до Хазарии и мусульманских государств Каспия, свидетельствует, во-первых, о том, что Хазария и Алания находились во враждебных отношениях с Византией и в дружественных отношениях между собой, и, во-вторых, о том, что Хазария находилась во враждебных отношениях с мусульманскими государствами Каспия. Следовательно, Низами прав, утверждая, что хазары в союзе с аланами и русскими напали сперва на Дербент, а затем на Бердаа, а А. Н. Насонов ошибается, утверждая, что хазары препятствовали походу на мусульманский Бердаа и находились во враждебных отношениях с аланами, которых якобы только «дружественное расположение» к византийскому императору побудило помогать русским в походе на Бердаа. Поэтому у нас нет никаких оснований сомневаться в исторической ценности сообщаемых Низами сведений относительно похода на Бердаа.

В доказательство враждебного отношения хазар к походу на Бердаа и сухопутного продвижения русов на Каспий в 943 г. А. Н. Насонов приводит письмо хазарского царя Йосифа, в котором тот говорит, что «не

⁶⁰ Б. Дорн. Указ. соч., стр. XLIII—XLIV; А. Гаркави. Указ. соч., стр. 74.

⁶¹ П. Кокцов. Указ. соч., стр. 123.

⁶² Б. Дорн. Указ. соч., стр. 498.

⁶³ Там же, стр. 497—499; М. Тебеньков. Указ. соч., стр. 45.

пускает русов, приходящих на кораблях, приходить морем, чтобы идти на исмаильтян»⁶⁴.

Однако письмо Иосифа, написанное почти 20 лет спустя после похода на Бердаа, бесспорно, не может служить основой для суждения о хазарской дипломатии в 943 г.

Известно, что раньше хазары пропускали русов на Каспий, например в 913 г. Известие Низами, что хазары вместе со своими вассалами — аланами и бургасами — участвовали в походе русов на Бердаа, убеждает нас в том, что и в 943 г. хазары пропустили русов на Каспий. Свое письмо Иосиф писал около 960 г., следовательно, свою традиционную политику по отношению к пробивающимся на Каспий русским дружинам хазары изменили в промежутке между 943 и 960 гг.

Почему это произошло? Почему хазарский каган, ведя непрерывные войны с мусульманскими странами Каспия, отказался использовать в этой борьбе русов, не только не платя им за погромы этих стран, но даже получая половину награбленной добычи? Ведь нельзя же допустить, что каган стал отстаивать интересы Саманидов?!

Мы уже видели, что Хазария и мусульманские государства Каспия находились в непримиримых противоречиях⁶⁵, поэтому впечатление, которое на первый взгляд можно было бы вынести из письма Иосифа, что Хазария защищала мусульман Каспия от русских, так же ложно, как и подвергнутое уничтожающей критике Б. А. Рыбаковым представление о том, что Хазария являлась защитницей русских племен от кочевников.

В настоящее время твердо установлено, что «в истории морских походов русских на Каспийское море следует отметить два этапа: на первом этапе, до середины X в., походы русских на Закавказье и Каспийское море носили характер налетов с целью захвата военной добычи; с середины X в. наблюдаются изменения в организации походов, меняются их цели. Русские дружинники стремятся обосноваться в Закавказье, восстановить прерванные войной связи и наладить хозяйственную жизнь, установить дружеские отношения с населением завоеванных ими городов и областей»⁶⁶.

Хазарская дипломатия на этих двух совершенно противоположных этапах истории походов русских на Каспий не могла оставаться одной и той же. Новый по характеру и задачам русский поход не мог не вызвать и изменений в хазарской дипломатии. Анализ особенностей похода русских на Бердаа в 943 г. заставляет нас признать, что именно эти особенности явились причиной изменения отношения хазар к походам русских на Каспий.

В литературе вопрос о роли хазарской дипломатии в походе русов на Бердаа не поднимался. Между тем несомненно, что разгром Бердаа, который находился во власти мусульман уже около двухсот лет⁶⁷, был прежде всего выгоден хазарам, которые поэтому охотно участвовали в этом походе.

Во время всех предшествующих походу на Бердаа набегов случалось так, что выгоды от русских ударов по мусульманам Каспия доставались хазарам, помогая им бороться с арабским продвижением на север. Прежде русы в течение лета заканчивали свои грабительские операции и пе-

⁶⁴ П. Коковцов. Указ. соч., стр. 83, прим. 6; стр. 102.

⁶⁵ А. Ковалевский. Посольство халифа..., стр. 194, 210; е г о ж е. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана..., стр. 15, 33.

⁶⁶ В. Мавродин. Начало мореходства на Руси, стр. 43—44.

⁶⁷ А. Якубовский. Ибн-Мискавейх, стр. 76.

ред заморозками возвращались домой, но в 943 г. они впервые зазимовали в завоеванной мусульманской стране.

Поход русских войск на Бердаа в 943 г. качественно отличался от всех прежних русских набегов на Каспий, предпринимавшихся исключительно с целью грабежа и захвата добычи. Последний грабительский набег зафиксирован в 913 г. Поход 943 г. был завоевательным походом⁶⁸. Об этом свидетельствуют несколько фактов, имеющих в рассказе Ибн-Мискавейха о походе на Бердаа: «Рассказали мне (Ибн-Мискавейху. — Н. П.) Абу-Аббас-ибн-Нудар, а также некоторые из исследовавших, что люди эти (русы) вошли в город, сделали в нем объявление, успокаивали жителей его и говорили им так: «Нет между нами и вами разногласия в вере. Единственное, чего мы желаем, — это власти. На нас лежит обязанность хорошо относиться к вам, а на вас — хорошо повиноваться нам». Подступили со всех окрестных земель к ним (русам) мусульманские войска. Русы выходили против них и обращали их в бегство. И бывало, не раз так вслед за ними (русам) выходили и жители Бердаа, и, когда мусульмане нападали на русов, они кричали «Аллах велик!» и бросали в них камни. Тогда русы обратились к ним и сказали, чтобы они заботились только о самих себе и не вмешивались в отношения между властью и ими (русам). И приняли это во внимание люди, желающие безопасности, главным образом это была знать. Что же касается простого народа и большей части черни, то они не заботились о себе, а обнаруживали то, что у них в душах их, и препятствовали русам, когда на них вели нападение сторонники (войска) власти»⁶⁹.

Мы видим, что русам была нужна не добыча, а власть, не грабеж населения, а покорение. «Подробности рассказа показывают, что взятие Бердаа было совершено более стройными и дисциплинированными силами, чем во время набегов норманнов на христианские и мусульманские города Европы. В рассказах об этих набегах норманны изображаются беспощадными варварами, истребляющими и сжигающими все на пути. Едва ли в Европе было случай, чтобы язычники-норманны при взятии большого города объявляли жителям, что будут охранять безопасность их жизни и имущества»⁷⁰.

В Бердаа русские «стремились восстановить порядок в занятом городе, а это для языческих войск, какими являлись русские, есть замечательное явление. Известно, что в Западной Европе норманские войска, которые в это время совершали набеги, были дикими ордами, огнем и мечом уничтожавшими все. Здесь же было наоборот»⁷¹. Итак, русские «стремились использовать завоевание, стремились захватить город, пользоваться его доходами, но не уничтожать его»⁷².

Таким образом, в 943 г. русские, разгромив мусульман, не только не ушли на родину, предоставляя хазарам воспользоваться результатами своих побед, но, напротив, остались в Бердаа, проявили стремление к умиротворению населения и стали проводить политику создания рядом с Хазарией независимого русского княжества. Традиционная русская политика грабежа мусульманских государств Каспия, выгодная хазарам, превратилась в завоевательную политику. Вместе с этим, конечно,

⁶⁸ В. Бартольд. Арабские известия о русах. «Советское востоковедение», т. 1, 1940, стр. 34; его же. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925, стр. 40—41.

⁶⁹ А. Якубовский. Ибн-Мискавейх, стр. 65—66.

⁷⁰ В. Бартольд. Арабские известия о русах, стр. 34.

⁷¹ В. Бартольд. Место прикаспийских областей..., стр. 40.

⁷² Там же, стр. 41.

изменилась политика Хазарии по отношению к русским отрядам, прибывшим на Каспий.

Интересна мотивировка каганом Иосифом своего нежелания пропускать русов на Каспий: «Если бы я их (русов. — *Н. П.*) оставил (в покое), они уничтожили бы всю страну исмаильтян до Багдада»⁷³. Так говорится в краткой редакции письма Иосифа. Пространная редакция добавляет: «Если бы я их оставил (в покое) на один час»⁷⁴.

Таким образом, хазары лишь тогда перестали пропускать русских на Каспий, когда последние стали настолько сильны, что «за один час» (т. е. за довольно короткое время) смогли бы «уничтожить всю страну исмаильтян до Багдада». Когда русские были послабее, их использовали и пропускали на исмаильтян. Но теперь это было губительно для самой Хазарии. Ведь русские, покорив мусульманские народы, могли вступить с ними в союз для последующего разгрома Хазарии. То, что грозные завоеватели в Бердаа вместо грабежей и убийств обращались к жителям с мирными, преисполненными сдержанности и терпения речами, конечно, не порождало иллюзий у хазар, усмотревших в этой политике угрозу.

Низами тоже указал на опасность утверждения Руси на Каспии для восточных стран. Абхазский правитель Дувал в поэме Низами советует Александру Македонскому уничтожить русское завоевательное движение в самом зародыше: «Если наш державный повелитель отомстит за нас нашим врагам, пусть божество ему в том поможет своим содействием; если же нет, то ты увидишь через малое число лет — русы внесут опустошение и в Грецию, и в Армению... Так как они уже осмелились опустошать эти страны, то и Хоросан, и Греция точно так же возбудят их алчность»⁷⁵. Отсюда ясно видно, как на Востоке была воспринята дерзкая попытка Руси утвердиться на Каспии. Восточные дипломаты считали, что завоеванием Бердаа русские подготавливали плацдарм для будущих завоеваний.

Поход 943 г. многому научил хазар, которые не могли не сделать выводов из новой тактики русских. Новая политика Иосифа в период между 943 и 960 гг., заключавшаяся в том, что он не пропускал русов на Каспий, могла родиться только после одного из завоевательных походов Руси, когда хазары почувствовали всю силу русской опасности. Но после 943 г. мы не знаем ни одного завоевательного похода Руси на Каспий, поэтому не подлежит сомнению, что именно поход 943 г. заставил Иосифа изменить эту традиционную политику хазар. Старым, идеальным, в понимании хазар, отношениям пришел конец. И как ни выгодны были кагану могучие русские удары по мусульманским странам, ему пришлось отказаться от них после 943 г. из-за боязни испытать их на себе.

Диалектика русско-хазаро-мусульманских отношений на Каспии после 943 г. приводила к тому, что хазары, препятствуя русскому проникновению на Каспий, невольно этим самым отстаивали мусульманские интересы и укрепляли своих злейших соперников — мусульман Каспия.

Утверждение Иосифа о том, что он не пускает русских, прибывающих на судах, чтобы идти на мусульман, заставляет нас признать, что в промежутке между 943 и 960 гг., т. е. в княжение Ольги и Святослава, русские снова не раз пытались проникнуть на Каспий. Возможно, это были еще более мощные вооруженные силы, чем войско, захватившее Бердаа;

⁷³ П. К о к о в ц о в. Указ. соч., стр. 84.

⁷⁴ Там же, стр. 102.

⁷⁵ М. Т е б е н ь к о в. Указ. соч., стр. 46—47. Насколько дальновидным оказался Низами, подтверждает завоевательная деятельность Святослава. Свои завоевания Святослав начал с похода на Восток и сразу вслед за тем вступил в войну с Византией

об этом свидетельствует уверенность Иосифа, что русские легко могли бы завоевать всю страну мусульман вплоть до Багдада. То обстоятельство, что каган Иосиф перестал пропускать русские вооруженные силы на Каспий, явилось, может быть, тем поводом, которым воспользовался Святослав, чтобы уничтожить каганат.

Иосиф писал свое письмо за несколько лет до восточного похода Святослава. Чтобы понять, насколько опасно было для Хазарии в 960 г. пропускать русские вооруженные силы завоевывать мусульманские государства Каспия, стоит только представить себе, что произошло бы мусульманскими государствами Каспия, если бы Святослав пожелал, подобно русским в 943 г., пройти на Каспий и если бы хазарский каган не препятствовал ему в этом. Святослав легко завоевал бы мусульманские области сплоть до Багдада и, таким образом, на юге Хазарии появился бы еще более грозный сосед, нежели арабы, которому уже никакого труда не представляло бы покончить с Хазарией. Но Святослав не стал спрашивать у кагана разрешения для выхода на Каспий, он решил уничтожить эту вековую преграду и прочно утвердиться на Каспии не на месте отдаленных мусульманских государств, а на месте самой Хазарии. Может быть, следующим шагом в воинственной деятельности этого князя было бы «уничтожение страны измаильян до Багдада», однако поход в Болгарию отвлек его от восточных дел. Если во время похода на Бердаа русские только создавали плацдарм для завоевания Хазарии, то Святослав без всякого плацдарма завоевал Хазарию. Местное население смотрело на власть русского князя как на законную и покорилось ей без сопротивления ⁷⁶.

Итак, анализ русско-хазарских отношений на Каспии в 943 г. приводит к следующим выводам.

1. Поход на Бердаа в 943 г. явился следствием русско-хазаро-аланского союза против мусульман Каспия. Поэтому русский флот из Черного моря в Каспийское, бесспорно, шел Доном — Волгой.

2. Новая завоевательная политика русских в Бердаа, пришедшая на смену прежней грабительской политике на Каспии, свидетельствует о том, что русские хотели создать в Бердаа княжество, в котором местное население поддерживало бы их власть.

3. Стремление русских создать рядом с Хазарией новое русское княжество вызвало ожесточенное сопротивление Хазарии, которая после 943 г. перестала пропускать русские войска на Каспий.

* *
*

В. В. Бартольд, признавая, что второй поход на греков и поход на Бердаа были в 944 г., пришел к выводу, что, «вернувшись к концу 945 г. на родину, русы, вероятно, уже не застали в живых Игоря» ⁷⁷. Однако мы в одной из своих статей ^{77a} доказали, что русы ушли из Бердаа весной — летом 944 г. Таким образом, русское войско имело полную возможность встретиться с Игорем, который отправился в полюдье, где он нашел свою смерть осенью 944 г.

Анализ одного места в летописи, может быть, прольет свет на судьбу участников похода на Бердаа. Как раз перед отправлением Игоря в полюдье «рекоша дружина Игорева: отроки Свенельжи изоделися суть

⁷⁶ В. В. Бартольд. Место прикаспийских областей..., стр. 42—43.

⁷⁷ Там же, стр. 34.

^{77a} Н. Я. Половой. О дате второго похода Игоря на греков и похода русских на Бердаа. ВВ. XIV, 1958, стр. 144.

оружьем и порты, а мы нази; поиде, княже, с нами в дань: да и ты добу-деши и мы. Послуша их Игорь, иде в Дерева в дань».

Уже С. М. Соловьев отметил, что «за год только Игорь возвратился из греческого похода, взявши с греков и золото и паволоки и «на вся воя», а между тем дружинники его жалуются, что они наги»⁷⁸. Это сравнение противоречивых показаний летописи о богатстве Игоря и его бедности заставило С. М. Соловьева даже сомневаться в счастливом исходе второго похода на греков.

Многие историки ограничивались простым признанием буквального смысла выражения «мы нази». Однако Н. Знойко в своих выводах пошел значительно дальше. «В год смерти Игоря, — писал он, — положение киевского князя было весьма незавидно. Торговля Приднепровья благодаря несчастным походам Игоря оказалась в критическом положении...

Казна княжеская благодаря тем же походам опустела. Дружина, получавшая гроши, роптала, завидовала дружинникам Свенельда, готова была бросить своего князя.

Игоря заставила горькая необходимость, а не алчность брать еще дань с древлян: дружинники были «нази», оборваны.

Преемники Игоря Ольга и Святослав всю жизнь бились над этим печальным наследством, пытаясь хоть как-нибудь отстоять былую экономическую и политическую мощь страны»⁷⁹.

Вот что неизбежно вытекало из признания, что воины Игоря действительно были оборваны. Поэтому выражение «мы нази» нельзя понимать в буквальном смысле, а только в переносном: одежда и оружие воинов Свенельда, видимо, были настолько роскошными, что воины Игоря почувствовали себя в сравнении с ними просто оборванными, несмотря на греческие дары.

Справедливо возникает вопрос, где мог Свенельд обогатиться так, что стал богаче князя? Летопись не указывает: 1) ни места, где Свенельд добыл оружие и одежду, 2) ни способа обогащения. Она только констатирует факт обогащения.

Богатства Свенельда бросились в глаза воинам Игоря именно осенью, перед полюдьем, следовательно, он добыл их не в полюдье, не «в древлянах». Это давно уже было отмечено А. А. Шахматовым: «Конечно, Игорь пошел в Дерева не тогда, когда годовая дань была уже собрана Свенельдом, а тогда, когда наступил срок для сбора этой дани; дружина Игоря выбрала, конечно, удобный для себя момент, а таковым была осень, когда вообще собирали дань»⁸⁰. Это значит, что осенью, когда Свенельд с богатой добычей возвратился в Киев, он пришел из какого-то далекого обогатившего его похода.

Летопись не указывает ни места, где обогатился Свенельд, ни способа обогащения, но в ней указывается, чем он обогатился: «Изоделись суть оружием и порты», а Архангелогородская летопись, которая дает более полные сведения относительно захваченной добычи, сообщает, что Свенельд не только изобелся «оружием и порты», но и наполнил эти порты монетами, добыл себе коней и всякие доспехи: «Рекоша боляре Игоревы: «Княже, отроцы Свиньделовы изоделись суть коньми, и оружию, и всяким доспехом, и порты полны, а мы нази, неконны и неоружны»⁸¹.

⁷⁸ С. Соловьев. История России, т. 1. СПб., 1874, стр. 326.

⁷⁹ Н. Знойко. О походах Святослава на Восток. ЖМНП, 1908, № 12, стр. 293—294.

⁸⁰ А. Шахматов. Розыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 363.

⁸¹ Устюжский летописный свод. М.—Л., 1950, стр. 23.

Свенельд не мог обогатиться в земле древлян или вообще у какого-либо другого племени Руси. Древляне были бедным земледельческим племенем, и у них не было ни роскошных тканей, ни драгоценного оружия. Раскопки в древлянской земле обнаружили только примитивные топоры, ножи и стрелы. «Почти полное отсутствие оружия в древлянских могильниках свидетельствует лишь о том, что воинственность им была чужда»⁸². Раскопки не обнаружили в земле древлян ни одной монеты! Это дало возможность В. Б. Антоновичу предполагать, что «торговые сношения носили характер торговли меновой»⁸³.

Если Свенельд обогатился в полюдье, во время сбора дани, то как объяснить, что дань эту составляли оружие и одежда? С другой стороны, нельзя допустить, что Свенельд во время полюдья награбил шкуры, воск, мед, рабов и т. д. и продал все это в Царьград, а на вырученные деньги накупил одежд и оружия, потому что с 941 г. до заключения договора 944 г. русские и греки находились во враждебных отношениях и, конечно, не торговали друг с другом.

Итак, в пределах Русского государства Свенельд не мог награбить столько оружия (конечно, драгоценного) и одежд (бесспорно, роскошных), чтобы возбудить зависть у воинов Игоря.

Исследователями давно уже было отмечено то удивительное обстоятельство, что имени Свенельда нет в договоре 944 г. Свенельд в X в. был такой политической фигурой, которую не могли обойти или «забыть» при заключении договора. Ведь договор Святослава с Цимисхием заключен от имени Святослава и Свенельда, а при Игоре Свенельд играл в политической жизни Руси не менее важную роль, чем при Святославе. Поэтому если в договоре Игоря, в котором перечислено почти 50 послов, о которых больше нигде не упоминается, нет имени Свенельда, то это говорит о том, что его в момент заключения договора не было в Киеве.

Обращаясь к русской истории, мы видим, что именно в 944 г. был предпринят поход на далекий и богатый Бердаа, причем русские из Бердаа ушли весной — в начале лета этого года и могли прийти в Киев осенью, т. е. тогда, когда было обращено внимание на богатство Свенельда. Поэтому есть основания предполагать, что Свенельд и его разбогатевшие воины прибыли в Киев осенью 944 г. именно из Бердаа⁸⁴. Этой мысли не противоречит даже имя русского князя, захватившего Бердаа. Это имя сохранилось только у Низами, и оно очень напоминает имя Свенельда: Кинтал. На фонетическое родство имен Кинтал и Свенельд давно уже указал М. Тебеньков, который, основываясь только на созвучии имен Свенельд — Сфенкал — Кинтал (или Квинтал) предположил, что поход на Бердаа возглавил Свенельд⁸⁵. Теперь мы видим, что эту мысль М. Тебенькова подтверждают, во-первых, анализ летописного известия об обогащении Свенельда, а во-вторых, отсутствие имени Свенельда в списке послов, заключивших с Византией договор 944 г. Следовательно, именно Свенельд, по нашему мнению, являлся вождем похода русских на Бердаа.

⁸² В. Антонович. Древности юго-восточного края. Раскопки в стране древлян. МАР, № 11, 1893, стр. 20.

⁸³ Там же, стр. 21.

⁸⁴ Ибн-Мискавейх сообщает, что русы, покидая Бердаа, захватили с собой «все, что могли, из своего имущества, драгоценностей и прекрасного платья». См. А. Яковлевский. Указ. соч., стр. 69.

⁸⁵ М. Тебеньков. Указ. соч., стр. 67.